

— Ци Го. Ци — как в «беспокойстве», Го — как в «яблоке».

Если бы Чэнь Вэйсин услышал его представление, он бы непременно съязвил: мой господин Ци, у тебя хватает наглости высмеивать других, кто представляется с помощью «улетающего журавля», а твоё «беспокойство» — это просто две стороны одной медали, понимаешь?

— Как удачно, я обожаю яблоки.

Не успел Ци Го опомниться, как Тао Хэ, произнеся эти слова, схватил его руку и легонько укусил за палец.

Этот поступок был крайне неожиданным и невежливым, однако улыбка на лице Тао Хэ оставалась мягкой и добродушной, словно он вовсе не совершал только что чего-то столь странного.

— Что ты делаешь?! — Ци Го тут же отдернул руку.

Даже после этого на пальце оставалось лёгкое покалывание от прикосновения зубов. Неужели он собака? Просто так кусает людей. Ци Го заметил, что когда Тао Хэ улыбается, у него видны два острых клыка, что ещё больше подчёркивало его сущность.

— Я ем яблоко, — почти мгновенно ответил Тао Хэ, и в его улыбке не было ни капли раскаяния.

Проклятие. Как на свете может быть такой неприятный человек. Ци Го знал, что если он ответит «Я не яблоко», то Тао Хэ с улыбкой скажет «Ты и есть», и они начнут спорить, как будто играют в пинг-понг.

И это бы полностью устроило его.

С извращениями нужно играть в интеллектуальные игры, иначе сам станешь их игрушкой. Считая, что он уже всё понял и вырос, Ци Го сделал несколько глубоких вдохов, заставляя себя успокоиться и вернуть своё обычное холодное и бесстрастное выражение лица.

Хотя они обменялись именами, между ним и... и Тао Хэ всё ещё оставались лишь отношения в сети. Нет, скорее, что-то большее.

— ... Как у тебя дела?

Ещё секунду назад он был холодным и отстранённым парнем, а теперь вдруг неловко и неуверенно спросил, как у него дела. Тао Хэ не понял, в чём дело, решив, что это просто случайный вопрос, и честно ответил.

— Не очень. — В новом сезоне нужно поднимать рейтинг, тренироваться к офлайн-турнирам, каждый день проводить стримы, чтобы угодить зрителям. Времени на отдых почти не остаётся. Тао Хэ задумался и понял, что его жизнь похожа на лапшу без приправ — сухую и безвкусную. Самое счастливое время для него... это когда он каждый день поджидал и дразнил кого-то в игре «Затерянные».

Он даже ел больше обычного и набрал несколько килограммов.

Случайно сказанные слова задели Ци Го, особенно потому, что он помнил ложь, которую Тао Хэ когда-то произнёс, и теперь представлял, как тот каждый день ест только солёные овощи и хлеб, что вызвало в нём жалость.

Он слышал от Чэнь Вэйсина, что некоторые стримеры живут в бедности и иногда идут на крайности, чтобы привлечь внимание, даже доходя до самоповреждений в прямом эфире. Ци Го сразу же поставил Тао Хэ в один ряд с такими людьми, и его взгляд наполнился сочувствием.

Вернувшись, он обязательно подарит ему две «ракеты» на стриме, в честь сегодняшней победы.

Ци Го посидел немного, а затем неожиданно сказал:

— Ты должен выиграть.

На рекламе турнира было написано, что приз за первое место — миллион. Если Тао Хэ выиграет, он получит как минимум шестую часть, что, конечно, не сделает его богачом, но поможет выбраться из нищеты.

Тао Хэ не понимал, о чём он думал, но тема сменилась слишком быстро. Однако раз уж это сказал его любимый, он обязательно принесёт ему кубок чемпиона.

— Я выиграю, — с мягкой улыбкой, но с непоколебимой уверенностью в голосе ответил он.

— Хорошо. Я пошёл.

Услышав его обещание, Ци Го немного успокоился. Взглянув на время и увидев, что тайпин в миске закончился, он поднялся на ноги. Чэнь Вэйсин всё ещё бродил где-то, ожидая, когда его заберут домой.

Этот характер слишком непредсказуем. Тао Хэ ещё не успел ничего сказать, как заметил кое-что, и, сохраняя улыбку, наблюдал, как тот, кто собирался уйти, сделал два шага и остановился, стоя прямо.

Да, его шнурки снова развязались.

Тао Хэ с трудом сдерживал смех, не отрывая взгляда от Ци Го, который, присев, неуклюже пытался завязать шнурки, но ничего не получалось. Он злился и смущался, а затем, неохотно, повернулся к Тао Хэ за помощью.

Если это можно назвать просьбой о помощи с таким повелительным тоном.

— Что уставился? Быстро иди сюда, помоги завязать шнурки.

Это уже третий раз за день, третий раз шнурки развязываются! Эти две верёвки словно созданы специально, чтобы досаждают ему, совсем не слушаясь. А этот извращенец сзади всё смотрит и смеётся, просто невыносимо. Чтобы скрыть своё раздражение, Ци Го только и мог, что грубо крикнуть.

Однако Тао Хэ не был таким, как Чэнь Вэйсин, который прибегал по первому зову. Чтобы попросить его о помощи, нужно было заплатить цену. Лениво сменив позу, он подпер голову рукой и, глядя на Ци Го, спокойно сказал:

— Ты уже взрослый, а до сих пор не умеешь завязывать шнурки. Это неправильно.

... Этот высокомерный тон просто бесит. Если бы он не был прав, Ци Го уже бы вскочил и ударил его. Но он не мог возразить, только недовольно пробормотал:

— ... Но я просто не умею.

На его лице появилось выражение досады.

Шнурки — это самое ненавистное.

Ци Го снова попытался перекрестить две верёвки и повернуть их, но только запутался ещё больше. Они всё ещё находились в кафе, и некоторые посетители уже с любопытством смотрели на него. Эти взгляды, словно иголки, заставляли его нервничать, и он хотел поскорее закончить и уйти.

— Ты... ты не можешь помочь?

Он повернулся к Тао Хэ, тон стал мягче, но всё ещё звучал как капризное ворчание. Его тёмные глаза смотрели прямо на Тао Хэ, бледные губы сжались, щёки слегка надулись, и, хотя движения были едва заметны, казалось, что он дует.

Так мило, что хочется довести его до слёз.

Тао Хэ, который уже в сотый раз сегодня делал в уме опасные заявления, под взглядом Ци Го жестоко покачал головой:

— Не помогу.

Прежде чем разочарование Ци Го сменилось гневом, он с улыбкой добавил:

— Если только ты не пообещаешь мне кое-что.

Не воспользоваться моментом и не выторговать что-то для себя — это не в его стиле.

Ци Го, чья слабость была использована против него, мог только с недовольным лицом согласиться.

*

— Чэнь Вэйсин, ты где?

Прошло уже четыре часа с тех пор, как несчастный Чэнь Вэйсин был брошен, и время уже близилось к ужину. Неизвестно, ждал ли он его или уже отправился искать еду сам.

Голос Чэнь Вэйсина в трубке звучал взволнованно:

— О, мой господин, ты наконец-то вспомнил обо мне! Я уже чуть не умер с голоду.

— Хватит болтать. Где ты?

По привычке Чэнь Вэйсин начал бы долго жаловаться на то, как его бросили на весь день. Но Ци Го не дал ему шанса, сразу прервав.

— Ты же был занят, вот я и решил прогуляться по старой школе, сейчас сижу в Павильоне прощения.

Павильон прощения был местной достопримечательностью их школы. Изначально это был обычный павильон у озера, где можно было укрыться от солнца, но после одного скандала он

получил своё нынешнее название.

Автор хотел бы добавить: Наконец-то снявший маску Тао Хэ: «Кусаю ручку любимого ^^».

Ци Го, неожиданно укушенный: [с мрачным лицом] Я хочу развода.

Тао Хэ: [в восторге] Любимый наконец-то признал меня!

Ци Го: Кто приз... мм... [внезапно поцелован].

— Далее сюжет не подлежит описанию —

<http://bllate.org/book/16319/1472855>